

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

№ 39

Прага, среда 10-го июля 1929 г.

№ 39

Гнат Макуха.
(Югославия)

* * *

Я й зараз бачу ту хатину,
Яка стоїть коло гробків...
У ній мене, малу дитину,
Любити вчили козаків.
Я козаком у ній родився
Й недолю вперше в ній пізнав.
У нені рідної учився:
„Щоб свій свого не продавав“.
У ній же голос чув приємний,
Який Кубань любить повчав, —
І хоч я був малий і темний,
А все ж це глибоко сховав.
І тут далеко у чужині,
Серед чужих мені людей
Уже тепер старій дитині
Те ж саме мовить голос цей:

„Гляди ж, — Кубань твоя країна,
І ні на що не міняй,
Люби, як неню та дитина
Й козацтво, друже, поважай!“
— О, як би я знов у ту хатину
Хоч на хвилиночку попав!
Коли б ти знов свою дитину
Вже вільним, Краю, привітав! —
Забув б я всі пекельні муки
Й землі твоєї, любий, взяв
В свої черстві козачі руки
Й сказав: прикрій!.. я вже діждав
Того, за чим я плакав всюди,
За що в степах чужих блукав..
Порвалось путо.. Вільні люде..
І ти, мій Краю, вільним став..

Саянжа Балыков. (Прага).

Желчь.

(Из степной старины).

Уже два раза выходило солнце, раз ушло на почлеп и только на расстоянии двух арканов находилось оно от вторичного ухода, а Эрдне все ехали ехали.

По синему простору неба, раскаленным шаром, медленно, точно нехотя, двигалось солнце, знойным дыханием опалая степь, а в болике*) Эрдне осталось всего глотка три потеплевшей мутной раки, а последний кусок борце**) он съел еще в полдень, но конца пути все не было.

Как ни зорки были глаза у Эрдне, как ни далеко мог он видеть, но в степи ровной, как стол и как мере безкрайней, ничего кругом не было видно.

Устал Эрдне, давно уже перепел он все песни степные и, опустив голову, под мерный шаг коня, думал думы невеселые, как степь бесконечные, словно сон тягучие, бессвязные.

Покрытые пятнами высохшего пота, сильно подобравшие животы, два рослых и красивых жеребца вяло брели перед ним, связанные ва шси арканом.

*) Сосуд — вроде бутылки из копытоной кожи.

**) Сушеное, вареное мясо.

Только неутомимый, резвостью и силой во всей Калмыкии известный, серый конь под Эрдне, потомок знаменитого „Човур аджирга“, подарка хану Дондук Омбо от шаха Персидского, все еще бодро шагал, грыз удила и натягивал поводья.

Уж давно, по расчету Эрдне, должна бы показаться одинокая юрта киргиза, вори Халды Маммуда, давнишнего тамьра***) его, которому ведет Эрдне обещанных донских жеребцов, за которые Халды должен достать ему резвейшего в Киргизии скакуна, а все ничего...

— Неужели он уключал куда... может вода в озерце выпарилась... тогда придется заколоть одного жеребца, попробовать горячей кровью его утолить жажду и голод и спешно, бросив другого жеребца, пуститься в обратный путь, чтобы непочетной, никому неизвестной смертью не запятнать славный род „Залху-Кевюдов“, — думал он, еще и еще обшаривая узкими глазами степную гладь.

... Ничего нигде... но почему кони, как будто, при-

***) По киргизски — друг.

бавили шагу, почему они вдруг стали забирать влево, — прошептал себе Эрдне, свободно пуская коня против легкого, теплого ветерка.

Еще тысячу шагов сделал серый... еще пройдена верста... еще сотня шагов и вдруг радостно вздрогнул Эрдне, привстав на стременах, козырьком приставил руку ко лбу и устремил свой взор вперед.

Там, всего в версте, как будто из ровной земли, едва заметно струился редкий серый дымок.

Облегченно вздохнул Эрдне и, поспешно отвязав бодик из торочкины, жадно выпил он последние три глотка раки, которые берег до нестерпимой минуты жажды.

Скоро из глубокой степной котловины показалась верхушка, а потом и вся юрта и недалеко от нее заблестела под солнцем вода в озере.

Боднее зашагали усталые кони, они уже лизали губы, хрустели зубами, предвкушая живительную влагу. Эрдне прямо направился к воде, чтобы дать коням хоть по десятку освежающих глотков.

Он не сомневался, что юрта эта принадлежит его тамыру Халды, характерно распластанная, большая, черная, степенная и приветливая для степного путника, она была знакома Эрдне по прежним приездам.

Только одно было неприятно: за пояса юрты были привязаны пять оседланных коней.

— Что за люди, откуда и зачем они заехали к степному волку, отшельнику Халды, — думал Эрдне, слезая у юрты и привязывая коней. Бросив взгляд на коней он понял, что и эти люди — издали. Все кони были плотно покрыты белым налетом высушенного пота и пыли, уныло опустив головы, изредка вздрагивая, дремали они, только один маленький, поджарый буланый конек твердо стоял на ногах и, высоко задрав голову, весело поматывал лохматой чолкой.

— Чертоватый конек этот... — решил Эрдне, открывая полость и входя в юрту. По правой стороне юрты, на широкой белой кошме сидело пять человек мужчин, судя по одежде, киргизов.

— Селям... да будет мягко и приятно ваше свиденье — проговорил Эрдне, почтительно наклоня голову, прижимая правую руку к груди. Он свободно говорил по киргизски и знал многие их обычаи.

— Алейкюм селям — отвечали сидевшие, быстрыми, колкими взглядами окидывая его с ног до головы.

Его большой, стройный рост, широкие плечи, мужественное загорелое лицо, а также новые, красного сафьяна сапоги с желтым шнуром по швам, новый шерстяной бешмет, отделанный золотыми позументами, туго подтянутый наборным поясом, внушили киргизам почтительное к нему отношение и они дружно подались вниз, очищая „тер“, — почетное место в юрте.

Халды радостно приветствовал своего тамыра и крикнул жене налить гостю кумыс и варить баранину.

Когда Эрдне холодным, пенным, в нос бывшим крепким кумысом утолил жажду, хозяин, знавший по калмыцки, улыбаясь заговорил с ним, как будто задавая ему обычные вопросы про дела и семью гостя.

— Ты, друг, приехал в недобрый час. Это — люди манапа*) Кадыма, главы рода Кара-Цоккоров, живущих отсюда в двух днях езды. Манап уже год лежит больной чахоткой. Знаменитый знахарь указал манапу, что только человечья желчь может помочь больному, но что это очень трудно, так как нужна желчь иноверца. Манап послал этих молодцов к вам, в Калмыкию, чтобы добыть это неслыханное лекарство. Они тебя не упустят. Пока ты у моего очага, они не тронут, но они будут ждать тебя, чтобы по обычаю провожать и там, вне моей юрты, я не защитник тебе. Подумай, как выкрутиться. Мы добрые тамыры, мы не можем пожелать друг другу худа.

Эти слова бросили Эрдне в холодный пот, но он, преодолевая себя, насильно, словно выслушивая от хозяина любезности, приятно улыбался, кивая головой.

Искусно предупредив Эрдне об опасности, хозяин приказал наливать еще кумыс. Эрдне выпил еще и,

взяв себя в руки, начал думать, сосредоточенно набиная трубку.

На дворе еще был день.

Киргизы много пили кумыса и, охмелев, начали хвастливо галдеть, желая своими рассказами ошеломить дальнего гостя. Двое из них, таинственно пошептавшись, вышли из юрты. Когда они вошли обратно, Эрдне встал и спокойно направился к выходу.

— Вы не собираетесь ли уезжать, мы вас проводим, далеко проходим — заговорили киргизы.

— Какой же гость уезжает не поез баранины у тамыра и не получив обратного подарка на свой, я же привел двух донских жеребцов своему тамыру, не желаете ли посмотреть? — отвечал Эрдне.

Киргизы охотно вышли за ним и наперерыв начали раскваливать подарок, щупать жеребцам копы, пробуя твердость жил и чистоту костей, мерять расстояние между клыками и резцами, совать кулаки в ганаши, в почечные ямки, желая определить и силу и выносливость жеребцов. Восторгам, как и полагается по случаю сделанного подарка, не было конца.

Когда все похвалы киргизов начали истощаться, хозяйка позвала мужчин отведать баранины.

Халды почтительно повторил просьбу своей жены и, ведя за собой гостей, скрылся в юрту.

Сделав вид, что собирается приступить к делу, присутствовать при котором не обязательно, Эрдне отстал и, поспешно отвязав своего коня, тихонько отвел его шагов на десять, сел и пустился вскачь.

Освежившийся водой и приотдохнувший серый ровно пошел отмахивать могучими плечами степную даль.

Киргизы, в предвкушении вкусной баранины, подставляя пригоршни под кувшин хозяйки, мыли руки, громко обсуждая достоинства приведенных халмагом жеребцов и не замечали продолжительного отсутствия Эрдне.

Халды, догадываясь в чем дело, молчал и в уме присчитывал сколько овец может дать ему манап из донских жеребцов.

Только когда подали баранину и приступили к еде, один из киргизов обратил внимание других на отсутствие халмака.

Все бросились вон из юрты и увидели уже далеко ускорившего Эрдне. Раздались несвязные гортанные крики и все киргизы, за исключением Халды, вмиг вскочили на коней и бросились вдогонь.

Оглянувшись назад, Эрдне увидел, как за ним растянулись его преследователи.

— Бесчисленные Боги, помогите мне выйти из беды... пусть не все разом догонят... ом мани бадмахом — помолился Эрдне, натягивая поводья серому, чтобы сберечь его силу.

Обернувшись еще раз, он заметил, как один всадник далеко отделяется от своих и быстро приближается к нему.

— Ну, этот догонит... да не будет мне грехом, я защищаю жизнь — подумал он, вынимая из чехла подолой бешмета длинный, однозарядный пистолет.

Не прошло и пяти минут, как услышал он за собой громкий храп несущегося коня и, срывающийся крик киргиза.

— Стой, заячье сердце! не уйдешь!.. никто не уходил от погони моего буланого!

— Не приближайся, если хочешь жить!.. застрелю! — крикнул ему Эрдне.

— Стреляй!.. не боюсь твоего куса железа, посмотрю как попадешь, а я уж не промахнусь — закричал киргиз и, вынув из болтавшегося на поясе чехла длинный блестящий нож, ринулся на Эрдне.

Эрдне спокойно подпустил его ближе и поднял пистолет, направляя его прямо в грудь киргиза.

— Может коня — пронеслось в голове Эрдне — нет, конь не причем, а грех один, да в коня уж очень хорош — вмиг ответил он зародившемуся колебанию и даванул на скобу.

Шумно повторяясь степным эхом, грянул выстрел...

— Аллах-ла!.. послышалось ему.

Шарахнулся в сторону буланый и киргиз, как куль, свалился с седла. Ловким броском нагнал Эрдне кир-

*) Глава рода, богач, владелец, родового состояния.

гизского коня и, кончиком плети зацепив за повод, поймал его.

Остальные преследователи были далеко. Видно было, что они его не догонят.

Эрдне успокоился и пустился дальше крупной рысью.

Спустя немного, он увидел, как остальные киргизы прискакали к убитому и что то долго возились над ним.

Духота летнего дня сменялась вечерней прохладой...

Пристывшее солнце, краснея, клонилось к закату...

Большое стадо коров, подымая облако туманной пыли, с мычанием приближалось к хотону.

Телята, привязанные за Зели*) против каждой кибитки, ревели на множество ладоев, приветствуя возвращение матерей.

После длинного и дремотного летнего дни в маленьком хотоне началось оживление.

Голые дети, блестя бронзой загорелых тел, начали бегать по хотону вперегонки. Молодая калмычка в пестром цегдике**) поверх белой рубашки принесла на коромысле два ведра воды, открыла раскрашенную досчатую дверь и скрылась в кибитку, из которой широкой, редкой струей валит синий дымок.

Здесь курилась вечерняя рака.

Перед кибиткой, на белом ширдыке,***) согнувшись над шахматной доской, сидели два старика. Они молчали. Упорно морщили лбы. Сошли. Игра у них на этот раз серьезная. Играют на интерес: побежденный должен поднести победителю вторую чашу своей доли раки. После каждого хода сосредоточенно думают, шевелят губами. Неземные трубки в зубах давно потухли и остыли.

Вот один, после продолжительного раздумья, сделал ход и сильным голосом произнес:

— Ша хан!..

Противнику пришлось хана прятать. Но тот не дал ему опомниться.

— Ша хан!!!... уже громче и смелее заявил он, делая еще ход. Несчастный хан заметался прятаясь от атаки, но напрасно.

— Ша хан... Мад!!! — торжествуя, со вздохом облегчения, сказал нападавший, ставя на квадрат берсен¹⁾, решившего поединок.

— Гм... как это плохо... да, выхода нет, на этот раз вам повезло, смущенно признался противник, собирая шахматы в желтую сумку из бараньего пузыря.

Победитель отсел, вытер испотевший лоб большим пестрым платком и начал набивать трубку крошечным самосадом из полинявшего черного шерстяного кисета.

— Старик, рака готова, идите брать хавхак²⁾ — позвала хозяйка, выглядывая из дверей.

Старики поспешно поднялись и вошли в кибитку. Один из них снял хавхак и положил его возле очага на северной его стороне, как полагается по закону. Хозяйка живо сняла трубку соединявшую два котла, освободила малый котел от обмазанной глины, вытаснула его из корыта с водой и поставила его перед стариками, сидевшими на ширдыке по правую сторону кибитки. Тот, который сидел пониже, снял крышку с котла и поставил ее тут же, возле себя, низом вверх.

Хозяйка подала круглую, деревянную чашечку для питья раки, кружку-черпалку из воловьего рога и пустое берве³⁾ с кожаной воронкой и, взяв бортхо⁴⁾, вышла доить коров.

Старик, снявший крышку от котла, зачерпнул немного раки и брызнул вверх, привывая на хозяина благословение неба, потом набрал еще немного и брызнул.

*) Веревка натянутая между двумя колами.

***) Цегдик — халат-безрукавка.

****) Прошитая полсть.

1) Офицер.

2) Главняный конус, закрывающий отверстие в крышке котла.

3) Сосуд вроде бутылки из копытиной кожи, несколько большего размера.

4) Ведро из копытиной кожи.

нул я огонь, чтобы и эта стихия природы была милостива к хозяину сего очага.

Рака всдыхнула в огне синева-желтым пламенем.

— Крепкая должна быть рака, хороший вкус у Занданы, дай Бог много лет ей здравствовать, никогда не передержит, не погонится за лишней чашкой, — сказал другой старик глядя на пламя раки.

— Да... крепкая, умелая она баба и рака у нея такая же крепкая, как сама... отвечал ему другой.

В это время послышался топот двух коней, кто-то под'ехал к кибитке и слез с коня.

— Счастливыый кто-то под'ехал, как раз под горячую раку, хорошая эта привета, только безучим в жизни людям попадается такой случай... говорил наливавший раку.

Шумно сморкнувшись у дверей, приехавший вошел в кибитку. Это был Эрдне, хозяин кибитки.

— Хали, хали!.. Эрдне возвращается, здравствуй, здравствуй сынок, ну, как сдилось, была ли удача, — заговорили старики.

— Удача была и не была, такое на этот раз случилось, что едва душу унес, пусть ни с кем не случается такое, — отвечал Эрдне.

— Что же было, расскажи?

— Нет, вы лучше наливайте себе, а потом в мне разрешите, умираю от жажды, расскажу после, попросил Эрдне.

В это время вошла хозяйка, молча, приветливо посмотрела на мужа, приветствуя этим его возвращение из далекой дороги, потом взяла большую чашку с поставца, положила в нее вять-шесть ложек свежей сметаны и протянула старику.

Тот налил ей две кружки раки.

Она старательно взбила сметану в раке и подала мужу.

Эрдне благодарным взором взглянул ей в лицо, взял чашку и жадно начал пить.

Потом сняла Зандан крышку с большого котла, еще стоявшего на треножнике над потухающим очагом, и выловила оттуда варившуюся в кумысе жирную, соленую конину.

Часть мяса подала она Эрдне в большой, желтой, деревянной чашке, а часть подала старикам на крышке от котла и вышла продолжать доение коров, прерванное приездом мужа.

Старики выпили по одной чашке горячей раки, победитель получил свою вторую чашку и выигранный долю и принялись за мясо. Выпитая рака возбудила аппетит, а сваренная в кумысе солонина и так очень вкусна и потому все молча усердно работали челюстями. Наевшись мяса, еще выпили по чашке теплой раки, и остальное налили в берве.

Эрдне встал, прибрал котел и вышел расседывать и треножить коней...

— Ну, отцы, теперь расскажу вам, что со мной случилось, начал Эрдне, возвращаясь в кибитку...

Было уже поздно, когда кончил Эрдне свой рассказ. Хотон давно уже спал. Царила напряженная тишина, лишь с Волги доносились крики ночных птиц, да вокруг кибитки пытели и отдувались сытые, отдыхающие коровы.

Большая киргизская стоянка затерялась среди обширной равнины Прикаспийской степи.

Была тихая, темная, летняя ночь. Изредка поблескивали далекие зарницы.

Стоянка давно спала.

Только в одной юрте слабо светился огонек. Там, на постели из мягких шелковых одеял, под пестрым шелковым балдахинном, устарелый подушками, полусидя лежал, больной чахоткой, мапан Кадым, глава рода Кара-Цоккоров.

В эту ночь ему было особенно тяжело. Он дышал с трудом. Чувствовал, что настали последние дни, а может быть и часы.

В редкие минуты облегчений, каждый раз, поспешно, полуполотом, он спрашивал:

— Не едет Ахмед?..

— Нет еще, но теперь наверно скоро под'едет, каждый раз отвечала ему его любимая жена, за кото-

рую в свое время заплатил он десять верблюдов и двести овец.

Около полуночи четверо верховых шагом подошли к манаповой юрте и слезли с коней. Хозяйка выглянула из юрты и крикнула в темноту:

— Кто там... это ты Ахмед?..

— Да, это мы — слышалось в ответ.

Услышав этот голос больной встрепетул и радостными глазами уставился на дверь. Через минуту вошел в юрту небольшого роста, безусый молодой киргиз, за ним еще трое постарше его.

— Ну, как, достали? — не отвечая на приветствия вошедших, с тревогой спросил больной, вставшими глазами пылливо всматриваясь в их лица.

— Хорошо, господин наш, есть — ответил первый из вошедших, доставая из пазухи бешмета что-то завернутое в белую тряпку.

Глаза больного радостно засияли.

— Все ли целыми перешли, где же наш брат Ахмед — спросила хозяйка.

— С Ахмедом, да успокоит его душу Аллах, случилось худо, его огнем из маленького куска железа, которую носят манапы — оруссы, убил тот самый халмак, у которого мы взяли лекарство, — отвечал тот же молодой, разворачивая тряпку и протягивая хозяйке маленький, мягкий, черный комочек.

Услышав этот ответ, больной сморщил свое исхудалое лицо, часто заморгав высохшими глазами и по щекам его потекли слезы.

Он горевал по убитом брате, единственном взрослом наследнике его богатства в пять тысяч овец и три тысячи лошадей.

Хозяйка горестно вздохнула по Ахмеду, к которому должна была перейти после смерти мужа, осторожно взяла протянутую вещь, развязала ниточку на ней, взяла деревянную ложечку и влила в нее из сумочки темную, густую жидкость.

По знаку ее один из киргизов подошел и приподнял голову больному, а жена влила ему в рот жидкость.

Манап Кадым поперхнулся, протяжно замычал, с трудом и отвращением проглотил, широко открыл глаза, помотал головой и закашлялся...

Кашлял он долго, мучительно. Потом успокоился, лицо его покрылось испариной холодного пота, весь он ослабел, притих и, как будто, уснул...

Жена на цыпочках отошла от него, подошла к постели у другой стенки юрты и прилегла рядом со своим маленьким, спящим сыном.

Мужчины тоже тихонько вышли из юрты, шествовали коней и, лавируя между всюду лежащими овцами и коровами, то и дело наступая на их свежий помет, разошлись по своим юртам.

Больной спал недолго. Проснувшись, начал еще сильнее кашлять, стал хрипеть, задыхаться и, к утру, умер...

1927 г. Апрель.

Любовь Самсонова.

(Прага).

В ДЕТСКОЙ.

Мы играем, будто в детской — море,
Необъятный, бурный океан.
Мощной шхуной служит нам
Старый, дедушкин продавленный диван.
Завоеваны несметные богатства:
Шоколад, бананы, ананас.
Груз везем на чудный остров Братства, —
Сложен там у нас уже большой запас.
Сторожит нам остров так Атосик;
Он скучает (хочет с нами на диван),
Опустив печально черный носик.
В море носится, бушует, ураган.
Неприступен остров наш скалистый,
Ловкий штурман, старший брат, спасет!
Два матроса напрягли все силы
И диван к столу отважно пристаёт.
Начинается дележ добычи —
Даже сторож так получит свой надел.
У корсаров старых тверд обычай:
Будь отважен, справедлив и смел!
Утомившись, три матроса
Мирно спят на корабле,
Сторожит их сон Атосик,
Растянувшись на ковре.

Константин Поляков.

(Прага).

* * *

Посв. А. П.

Может быть пройдут столетия,
Наши дни подернет время плесенью
И забудут все на этом свете тех,
Кто в изгнании шел чужими весями.

Тех, кто в сердце нес страданья с мукою,
Для кого часы казались годами,
Кто, устав в борьбе с разлукою,
Ночью грезил степью, Дона водами.

Тех, кто жил в боях с толпой безликою,
Кто палаш в ножны года не вкладывал,
За свой угол, Войско Всевеликое
В степь бросал людей за валом, вал...

И никто не будет знать, кто похоронен был
В церкви ли, с крестом — с молитвою,
Или снегом вихрь в степи покрыл
Тело брошенное битвою.

Славу, доблесть, радость — звонкий смех
Замурует рок в стене веков наплывших...
Смерти зов холодный слышать
Доля каждого и всех.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.